

*Кузьмина О. Н., студентка филологического факультета
Национального исследовательского Мордовского государственного
университета, г. Саранск*

ФРАЗЕОЛОГИЯ В СЕМЕЙНОМ ОБЩЕНИИ

Аннотация: статья посвящена анализу употребления фразеологии в бытовом общении семьи, проживающей в Нижегородской области и включающей представителей разного возраста (от 12 до 83 лет) и разной социальной принадлежности (служащие, рабочий, пенсионеры, студенты, школьник).

Ключевые слова: разговорная речь, бытовое общение, фразеология, узуальное употребление, модификация фразем, диалектизмы.

Abstract: The article deals with the analysis of everyday usage of phraseology in the family communication. The family lives in Nizhny Novgorod region and consists of the representatives of different ages (from 12 to 83 years) and different social background and employment.

Key words: everyday speech, everyday communication, phraseology, conventional use, modification of phrases, dialectisms.

Смена научной парадигмы в лингвистических исследованиях – от имманентно-семиологической, или инструменталистской к антропоцентрической – в новом тысячелетии закрепляет как ведущую культурно-философскую интерпретацию языка, в соответствии с которой «язык выступает в двойной функции формы сохранения и формы воспроизведения культуры, то есть духовным инструментом формирования специфики мировидения своего носителя – народа. Изучение языка как культурного

феномена в единстве трех семиотических аспектов: семантики, синтактики и прагматики – способствует выявлению лингвокультурем, то есть тех «культурнонагруженных» языковых единиц, которые воплощают результаты взаимодействия языка и культуры» [3, с. 117]. Как подчеркивает В. Н. Телия, «фразеологизмы не только выражают и межпоколенно транслируют, но и формируют в непрерывном диалоге этих двух разных семиотических систем культурное сознание народа – носителя языка» [16, с. 9]. В силу максимальной «культурнонагруженности», «антропоемкости» (В.Н. Телия) фразеологии абсолютно закономерен тот подъем научного интереса к ее рассмотрению, который наблюдается в последние десятилетия. Отметим при этом четко артикулируемую идею комплексности и междисциплинарности в ее исследовании как в синхронии («совокупное применение лингвострановедческого, контрастивного, лингвокультурологического и когнитивного подходов может дать полную картину национально-культурных особенностей фразеологической системы языка» [19]), так и в диахронии, включая историческую лексикографию [см., например: 7; 8; 11].

Как показывает анализ научной литературы, изучение языка семьи привлекает в последние десятилетия все больший научный интерес, начиная с «пионерских» статей Р.Р. Чайковского (1982), Л.П. Крысина (1989), Е.Ю. Кукушкиной (1989), Л.А. Капанадзе (1989), С.С. Никитиной (1989), расширяя аспекты рассмотрения в статьях Я.Т. Рытниковой (1997), В.С. Анонихой и О.В. Кравченко (2017) и реализуясь в диссертациях Т.А. Нестеровой (1999), А.В. Занадворовой (2001), А.Н. Байкуловой (2006). При этом предметом исследования в основном становится непосредственно лексический уровень семейного общения; фразеология же привлекается для рассмотрения только наряду с лексикой. Так, А.В. Занадворова, привлекая для анализа моделей семейного общения материал авторизированной живой разговорной речи, художественной и мемуарной литературы, кинематографа и пр., в отдельном разделе дает описание состава, происхождения, особенностей употребления «семейной фразеологии» [5]. Л.В. Михайлова, обобщая в своей

статье результаты проведения научно-исследовательской работы студентов через исследование ими языка своей семьи, приходит к выводу о широком использовании фразеологии в семейном общении и отмечает различные модификации традиционных фразем как специфическую особенность их конкретного бытования [9].

Объектом нашего исследования является фразеология в семейной речи моих родителей и ближайших родственников (11 человек), которые проживают в городе Дзержинск, селах Пыра и Журавлиха Нижегородской области, представляют возраст от 12 до 83 лет, по социальной принадлежности относятся к служащим (4), рабочим (1), пенсионерам (3), студентам (2), школьникам (1).

Следуя широкому пониманию границ фразеологии, мы анализируем не только традиционные группы фразеологии, но и паремии, и афоризмы [см., например: 1]. Отметим, что использование пословиц и поговорок оказалось более характерным для речи старшего поколения семьи, например, *Бог любит Троицу, а Ленин – пятилетку; Бог-то Бог, да и сам не будь плох; подалее убереешь – поближе возьмешь; один глаз на нас, другой – на Арзамас*. В ней сохраняются как паремии общезыкового узуса типа *Бог-то Бог, да и сам не будь плох* [4, т. 1, стб. 103], так и их модификации советской эпохи типа *Бог любит Троицу, а Ленин – пятилетку*.

По грамматической структуре наиболее характерными оказываются фраземы со структурой предложения, например, *хорошая мысль приходит опосля, трубы горят, конь не валялся, волосы стойма встали, для всякого кулика свое болото; улица Пушкина, дом Колотушкина; один глаз на нас, другой – на Арзамас; подалее убереешь – поближе возьмешь*, и со структурой словосочетания, например, *языком молоть, от греха подалее, ослиные тропки, лапшу на уши вешать, играть в одни ворота, воздух пинать, галопом по Европам, из пустого в порожнее*; компаративные фраземы единичны, например, *как баран на новые ворота*. По стилистической окраске используется преимущественно разговорная, например, *Бог любит Троицу, а*

Ленин – пятилетку; Бог-то Бог, да и сам не будь плох; воздух пинать, волосы стойма встали, галопом по Европам, для всякого кулика свое болото, играть в одни ворота, из пустого в порожнее, как в аптеке и др., и просторечная фразеология, например, лапшу на уши вешать, хорошая мысль приходит опосля, трубы горят и др.

По сфере употребления она в основном общеупотребительная, исключения составляют фраземы как *баран на новые ворота* и *вешать лапшу на уши*, приводимые во фразеографии как просторечные [18], причем вторая фразема характеризуется как арготизм по происхождению.

Для семейного общения, как показывает анализ, оказываются характерными и диалектизмы, например, *Валер, ну зачем ты лак для вагонки-то купил? У него конь еще не валялся, а он уже лак для косметических работ купил!*; *Не своди <глаза> так, а то будешь, как Естафета¹: один глаз на нас, другой – на Арзамас.*

В. И. Далем фразема *<еще> конь не валялся* приводится в контексте *У нас еще и конь не валялся* со значением ‘еще дело и не начато’ [4, т. 1, с. 161]. В русских говорах на территории Мордовии, граничащих с Нижегородской областью, она отмечается в двух значениях: ‘очень рано, задолго до рассвета’; ‘о беспорядке, хаосе’ [14, с. 106]. В речи семьи Кузьминых фразема имеет значение ‘еще не начатое дело’.

Обращение к НКРЯ [13] позволяет несколько уточнить статус этого диалектизма. Во-первых, фиксируется 27 примеров его употребления именно в значении ‘дело еще не начато’. Во-вторых, если факты употребления диалектизма Ф. Абрамовым и В. Шукшиным (*Солнышко с полудника повернуло, а у меня и конь не валялся.* [Федор Абрамов. Братья и сестры (1958)]; *Там насчет знаний-то... конь не валялся.* [Василий Шукшин. На кладбище (1972-1973)]) могут быть объяснены отмечаемым исследователями их языка тяготением к передаче живой диалектной речи, то использование его в

---

¹ Учительница физкультуры, отчество которой Евстафьевна, страдала косоглазием.

мемуарной литературе (например, *Вбегаете в павильон, где, конечно, «конь не валялся»*). [Анатолий Эфрос. Профессия: режиссер (1975-1987)], в журнальной и газетной публицистике (например, *И третий аспект – это правосознание общества. Здесь еще конь не валялся. Что касается нормативных актов, то и здесь много работы*. [Александр Садчиков. Требую адвоката! Россиян ждут новые штрафы и арест по суду (2002) // «Известия», 2002.06.30] скорее всего свидетельствуют о расширении сферы употребления фраземы в современном русском языке.

Пословица *Один глаз на нас, другой – на Арзамас* является диалектизмом, отражающим местные топонимические реалии. Об этом свидетельствуют ее варианты, приводимые В. И. Далем: *Один глаз на Кесово, другой на (в) Размесово (Разлисово?)*. *Один глаз на печь, другой в Галич* [4, т. 1, стб. 353], а также фиксируемые в Национальном корпусе русского языка *Один глаз на нас, другой – на Донбасс, Один глаз на нас, другой – на Кавказ, Один глаз на Кавказ, другой – на Арзамас* [13].

Приводимая В.И. Далем помета *встарь, о мордве* [4, т. 1, стб. 353] отсылает к истории города, который был основан во второй половине XVI века, по-видимому, на месте древнего мордовского поселения, и к этимологии топонима: по принятому мнению Х. Паасонена, «город называется на мордовском языке *Eřzamas* от *eřza* “эрзя” = “мордвин”» [17, т. 1, с. 86]. Нам кажется существенным, что значение ‘о косящем глазами человеке’ В. И. Даль приводит к другой фраземе *один глаз, да и тот на Арзамас, кос* [4, т. 1, стб. 353]. Такая подача пословиц позволяет предполагать, что пословица *один глаз на нас, другой – на Арзамас* исконно имела иное значение, чем то, которое закрепилось в современных диалектах, возможно, связанное с длительным, даже после принятия христианства, сохранением у мордвы языческих верований.

По данным Национального корпуса русского языка, в художественной литературе она впервые фиксируется уже в современном значении: *Другая девушка и с деньгами, да порок какой-нибудь в себе имеет: либо косит очень,*

один глаз на нас, другой в Арзамас, либо вовсе крива... [НКРЯ: А. Н. Островский. Не было ни гроша, да вдруг алтын (1872)]. Аналогично употребление и во второй фиксации в корпусе: *Один глаз на нас, а другой на Арзамас*², – *хохотал, подергиваясь, Саенко*. [В. П. Катаев. Время, вперед! (1931–1932)]. Это же значение зафиксировано современной паремиографией: ‘о человеке, страдающем косоглазием’ [10], ‘в Ниж<егородской> обл<асти>, в Мордовии, в Ульян<овской> обл<асти> и, видимо, в др<угих> соседних областях о раскосом человеке’ [6, с. 464].

К диалектизмам относится и употребление наречия во фраземе *волосы стойма встали* со значением ‘очень сильно испугаться’, например: *Ох бабушки! Я этого хорька-то в капкане-то как увидела, как ноготочек его зацепившийся усмотрела, так у меня волосы-то стойма и встали*. В фразеографических и лексикографических источниках она регулярно приводится с наречным компонентом *дыбом* [15, т. 3, стб. 1198; 12, с. 187; 10, с. 217]. Словарные фиксации позволяют сделать вывод: форма наречия *стоймя* в середине XX века квалифицируется как литературная [15, т. 14, стб. 913], а к концу века переходит в разряд разговорных [12, с. 767]; форма *стойма*, по данным НКРЯ, к началу XIX века выходит из литературного употребления (единственная фиксация – *Гора, нависшая над Татар-кочевьем, верх которой в виде стены, стойма поставленной* [А. С. Грибоедов. Отдельные заметки (1822–1825)]). Интересно, что в русских говорах на территории Мордовии она сохраняется во фраземе *стойма стоять* со значением ‘находиться в вертикальном положении’ [14, с. 240].

Диалектный характер имеет и фразема *пинать воздух* в значении ‘бездельничать, ничем не заниматься’: *Ты по истории когда готовиться начнешь? У нее экзамен через два месяца, а она все сидит. Сколько можно воздух-то пинать?* Отметим, что в говорах Волгоградской области она

---

² Уточнить семантику второго примера позволяет обращение к предшествующему контексту повести: *Единственный целый глаз смотрел кругло и пронзительно, как у петуха, в сторону. Другой – был слепой, с белым, тусклым бельмом* [Катаев В.П. Время, вперед! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.booklot.ru/authors/kataev-valentin-petrovich/book/tom-3-rastratchiki-vremya-vpered/content/3521811-li/>].

употребляется с синонимичным глагольным компонентом *пихать* в значениях «1. Делать бесполезную работу. 2. Бездельничать» [10, с. 94]. Однако в НКРЯ она фиксируется именно в отмеченном нами компонентном составе: *Традиционно бытует мнение, что быть начальником – пинать воздух, возвышаться над толпой и получать с этого какие-то дивиденды* [Эльвира Савкина. «Могу приготовить манную кашу без комочков» (2002) // «Дело» (Самара), 2002.07.10].

Особую группу анализируемой фразеологии составляют «семейные» окказионализмы как результат различных модификаций традиционных фразем.

Так, фразема *трубы горят*, по данным НКРЯ, широко используется в современной речи в различных жанрах в значении ‘сильная жажда при похмельном синдроме’, например: *Получив свои 30 копеек, добрался до прилавка с пивом, добавил гривенник и оттеснил прочий народ: — Наташ, дай скорее одну: трубы горят! Когда я вышел из магазина, он, удобно разместившись у входа, со смаком сосал добытое при помощи дерзкой смекалки пиво.* [Александр Росляков. Баллада о трезвом милиционере (1997) // «Столица», 1997.07.29]; *У меня тоже трубы горят, а тут вас увидел... Думаю: и похмелюсь, и сдам сразу!* [Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)]; *В деревнях за спиртным давно уже в магазины не ходят — есть другие тропинки, протоптанные теми, у кого «трубы горят», а на «злодейку с наклейкой», увы, не хватает.* [Дина Якшина. Самая западная зона России (2004) // «Калининградские Новые колеса», 2004.11.26]. Судя по фразеографическому описанию, фразема имеет жаргонное происхождение, но постепенно закрепились в современном русском языке как разговорная: «Трубы горят у кого. Разг. О сильной жажде при похмельном синдроме [10, с. 671]. Однако в семейном общении Кузьминых она употребляется в значении ‘срочная необходимости в чем-либо’: *Зачем ему эта магнитола понадобилась? Трубы горят что ли?*

Фразема *ослиные тропки*, судя по контекстам употребления, например: *Тебе через ДКХ-то напрямик не шлось что ли? Ослиными тропками*

обязательно надо! – имеет значения ‘дорога, по которой люди редко ходят’. В НКРЯ данные по этой ФЕ отсутствуют. Можно предполагать, что выражение является контаминацией фразем *звериная тропа* ‘узкая протоптанная дорожка’ и *ослиное упрямство* [12, с. 811, 459], ядро семантики которой – ‘стремление во что бы то ни стало настоять на своем’, в данном случае – в выборе дороги. О распространенности данной модели свидетельствует их жаргонное употребление: *звериная (змеиная) тропа* ‘дорога в школу’, *волчья тропа* ‘дорога в столовую’ [10, с. 671].

Интересно «семейное» употребление фраземы-фитонима *волчья ягода*: *У мамы твоей в детстве глаза черные-черные были! Не глаза, а волчья ягода.* Современные словари приводят фразеологизм *волчья ягода* в значении ‘кустарник с ядовитыми красными ягодами, сами ягоды’ [12, с. 98], которое не соответствует содержанию употребления фраземы в семье Кузьминых. Синонимический ряд к фраземе *волчья ягода*, приводимый В.И. Далем и включающий и термин, и диалектные фитонимы ‘воронья, растение Paris quadrifolia, натягач, родимец, воронец, вороний глаз’ [4, т. 1, с. 233], позволяет соотнести фитоним в анализируемом контексте с растением, называемым *вороний глаз обыкновенный* («Paris quadrifolia, род многолетних трав, цветов одиночный, верхушечный, плод – черная ягода, напоминает глаз вороны, откуда и название» [2, с. 106]). На диалектное происхождение указывает и терминологическая недифференцированность фитонима: «*Волчья ягоды, волчье лыко, волчегодник обыкновенный (Daphne mezereum) <...> Волчья ягоды называют также и другие кустарники и травы с красными и черными ягодovidными несъедобными или ядовитыми плодами, например, бузину красную, крушину ломкую (их плоды не ягоды, а сочные костянки), а также жимолость лесную; из трав – воронец, вороний глаз, некоторые паслёновые и др.*» [20].

Семантика большей части фразем в речи семьи Кузьминых имеет отрицательную коннотацию в оценке действий, поведения, образа жизни, характера человека, о котором идет речь, например, *вешать лапшу на уши* –

прост. предосуд.; *галопом по Европам* – разг. пренебр.; *как баран на новые ворота* – прост. пренебр.; *языком молоть* – разг. неодобр. [см. пометы: 18].

Таким образом, анализ фразеологии повседневного общения одной семьи позволяет говорить как об отражении в нем общих тенденций развития русского языка (в частности, широкое использование разговорных и просторечных фразем), так и о бытовании диалектных и окказиональных – «*семейных*» – фразем.

Библиографический список:

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
2. Биологический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989.
3. Голубовская И. А. Антропологическая парадигма в современном языкознании: основные теоретические постулаты и модули лингвистического исследования // *Studia Linguistica*. 2009. Вип. 2. С. 110–122.
4. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 3-х т. М.: Гос. издат. иностр. и нац. словарей, 1956.
5. Занадворова А. В. Функционирование русского языка в малых социальных группах (речевое общение в семье): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
6. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС, 2008.
7. Киржаева В. П. Историческая терминография русского языка как предмет междисциплинарной разработки // *Юридическая лексика русского языка XI-XVII веков: материалы к словарю-справочнику*. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 6-15.
8. Киржаева В. П., Якунченкова И. А. Терминообразовательное гнездо *тать* как компонент древнерусской юридической терминосистемы // *Известия Алтайского государственного университета*. 2011. № 2-2. С. 143-147.

9. Михайлова Л. В. Воспитание «вкуса к слову» через включение студентов в исследование «семейного языка» // Медицина и образование в Сибири. 2010. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ngmu.ru>.
10. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/dictionnaire_russe_des_locutions-makienko.pdf.
11. Осовский О. Е. Древнерусский юридический текст в лингвистических и смежных гуманитарных исследованиях последних десятилетий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2 (31). С. 146-150.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 23-е изд. М.: Русский язык, 1990.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> / .
14. Семенкова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров на территории Мордовии. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007.
15. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Наука, 1950–1965.
16. Телия В. Н. От редактора // Фразеология в контексте культуры. М.: «Языки русской культуры», 1999.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Изд. 2-е. М.: Прогресс, 1986.
18. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://getword.ru/ru/slovari.php?table=fedDSL&alpha=%D0%9E>.
19. Чикина Е. Е. Выявление национально-культурной специфики фразеологизмов: современные подходы // Международный научно-

практический журнал INTER-CULTUR@L-NET 2004. Вып. 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.my-luni.ru> .

20. Шиманюк А. П. Волчьи ягоды // Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1971 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/0502.htm>.